

Валерий Сергеев

Об авторе:

Сергеев Валерий Васильевич, родился 31 января 1959 года в семье военного летчика. Закончил военно-медицинский факультет Горьковского медицинского института в 1982 году. Уволен в запас с должности начальника Интернатуры медицинского состава Балтийского Флота. В настоящее время – заместитель главного врача станции скорой медицинской помощи г. Калининграда. Валерий Сергеев – опытный врач, преподаватель и тренер, человек увлеченный и творческий. Автор десятка книг. Его искренние, добрые стихи и проза имеют свое лицо и вполне узнаваемый голос.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СУДЕБ

(РАССКАЗЫ ПСИХИАТРА)

АННОТАЦИЯ

Порой весьма непросто найти себя в жизни, выстроить гармоничные отношения с окружающими, обрести дело, дарящее душе радость и удовлетворение. Однако наполнить жизнь смыслом может только сам человек, и никто другой за него этого не сделает. Для каждого из нас важны разные вещи: кто-то ищет любовь, кто-то – достаток, один жаждет славы, а другой мечтает о тишине и покое... Пути и средства для достижения заветной цели также бывают весьма различными... Автор показывает, какая тонкая грань отделяет наше здоровье от психического расстройства.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Об авторе	1
Аннотация.....	1
Оглавление.....	1
<i>История первая: Крысиный король .....</i>	<i>2</i>
<i>История вторая: Пересечение параллельных судеб .....</i>	<i>13</i>

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ

"То, что мы называем судьбой, является лишь совокупностью учиненных нами глупостей".

А. Шопенгауэр.

сносный порядок

центральных улиц. А вот тихие дворики «на отшибе» частенько завалены всевозможными отходами и бытовым мусором. Взять хотя бы свалку возле соседнего дома. На днях рядом с ней я повстречал ужасно толстую и мерзкую крысу! Это в наше-то время...

Пятница. Последний рабочий день перед отпуском. Я смотрю из окна на двор, усыпанный золотом лип, кленовой медью и ржавчиной каштанов. На этом пестром ковре из опавших листьев теснятся старенькие иномарки... Красив наш город, ничего не скажешь, но более-менее поддерживается лишь на главных проспектах и

Он вошел в мой кабинет, когда я уже снял белый халат, поправил возле зеркала галстук, и совсем было собрался идти домой. Стройный симпатичный парень лет восемнадцати, вежливо со мной поздоровался и представился:

– Виктор.

Хорошие манеры, негромкий с бархатистым оттенком голос, неторопливая и правильная речь – все это располагало к общению. Однако, его испачканные джинсы и «захватанная» тенниска, явно диссонировали с приятными чертами лица. Я обратил внимание и на другие довольно странные детали: во время нашего последующего разговора голова посетителя была печально опущена, мимика довольно бедна, а равнодушный взгляд больших карих глаз устремлен мимо меня – в пустоту...

Любопытно, что в самом начале беседы, этот высокий и атлетически сложенный юноша показался мне древним старцем, поучающим меня уму-разуму. Правда, довольно скоро я уловил в словах собеседника явно завышенную самооценку и легковесность суждений, но все равно, слушая его, быстро забыл об усталости и стынущем дома ужине. И вот почему: из рассказа молодого человека я понял, что судьба испытывала его на прочность совершенно невероятным способом: она не ставила на его пути преград, а напротив, убирала их, как бы говоря: "Делай, что хочешь. Теперь ты можешь – ВСЁ!" Вам интересно знать, на что способен человек в подобной ситуации, и каким он в итоге становится?

...Еще не старая и энергичная бабушка Виктора – Агнесса Марковна, была профессором философии и непререкаемой главой семьи. Кто-то из плеяды ее далеких и

славных предков являлся сосланным декабристом, с тех пор их фамилия и проживала в Сибири.

– Люди – это всего лишь некоторый «объем», досадная помеха, препятствующая мне следовать по своей траектории и не дающая быть тем, кем я хочу, – любила повторять она.

Её единственная дочь – Витина мама, давно и тяжело страдала прогрессирующим психическим заболеванием. Лет десять назад, когда она принимала ванну, в воду случайно свалилась настольная лампа, при свете которой ей нравилось перелистывать женские журналы. Произошло «замыкание», и несчастная женщина около получаса находилась под напряжением, корчась в ужасных судорогах. Дома в то время, к несчастью, никого не было. Самостоятельно выбраться из ванны она не могла: при каждом прикосновении к ее краю, по рукам бил мощный электрический разряд, уродуя пальцы глубокими ожогами. Ее жизнь спасла обычная деревянная решетка для тазиков, которая удержала голову над водой, когда женщина потеряла сознание, и то обстоятельство, что, придя в себя на несколько мгновений, она сумела дернуть за шнур и вырвать из стены электрическую розетку. С тех пор Витина мама слышала несуществующие голоса, уверяла, что кто-то читает ее мысли и панически боялась всех электроприборов, а умывалась и чистила зубы только на кухне.

Младший сын Агнессы Марковны после женитьбы также остался жить в родовом гнезде, но свекровь возненавидела свою бесплодную невестку. Их частые и безобразные ссоры стали главными воспоминаниями Витино детства...

Отца Виктор не помнил: тот ушел из семьи давно, и о нем домашние старались не говорить. Однако, по-детски нашкодив, он не раз слышал, что является "точной копией своего папаши", и... гордился этим.

В своем развитии маленький Витенька опережал большинство сверстников. В три года он знал все буквы и умел считать до двадцати. В четыре – научился читать и писать. В пять с половиной его отдали в школу (бабушка решила: "а зачем тянуть?"), которую он и закончил круглым отличником. Проблем с учебой у одаренного ребенка не было. Параллельно школе мальчик занимался боксом, неплохо играл в шахматы, участвовал в олимпиадах по математике и химии, углубленно изучал английский язык, сочинял стихи:

*Алое солнце, как щит Святогора,
Лодка танцует под музыку волн,
Вечер целует узоры на шторах,
Вечер предчувствий таинственных полн...*

Написанный Виктором реферат по истории края был признан лучшим на республиканском конкурсе, чем юноша полностью оправдал свое гордое имя – «Победитель». Все члены профессорской семьи были единодушны лишь в одном: они обожали и баловали "гениального" Витеньку. Ему пророчили славное будущее и карьеру успешного юриста или талантливого ученого. Деньги и связи у "заслуженной" бабули – были, а на единственном внуке, которого Агнесса Марковна считала своим наследником, она экономить не собиралась. Но вместе с этим, в те минуты, когда мальчик особенно нуждался в общении и ласке, обращаясь к родным за советом или поддержкой, он чаще всего слышал:

– Не морочь нам, пожалуйста, голову – это твои личные проблемы.

Следует отметить, что мальчуган практически не болел, но когда однажды к нему во время сильной простуды пришлось вызвать врача, тот, тщательно выслушав юного пациента стетоскопом и простукав его вдоль и поперек своими тонкими пальцами, неожиданно изрек:

– А вы знаете, что у мальчика дэкстрокардия?
– Это еще что такое? – насторожилась бабушка.
– Очень редкий случай, когда сердце у человека находится не слева, а справа, – с профессиональным восторгом объяснил доктор.
– Это – болезнь? – попыталась выяснить Агнесса Марковна.
– Нет, но он у вас – особенный...
Такое определение понравилось и домашним и самому Виктору.

Впервые он озадачил и даже испугал родных тем, что громко и неестественно рассмеялся, прочитав финал тургеневской "Муму".

– Разве тебе не жалко несчастную собачку? – попробовала разобраться в мотивах такого странного поведения бабуля.

– А почему я должен ее жалеть? – недоумевал внук. – Она же беспородная и, к тому же – бесплатная. Могли, конечно, придумать казнь и получше. Я бы, например, бросил её в костер!

Чуть позже маленький Витя отхлестал больную мать детским удилищем по щекам, приговаривая при этом: "Ненавижу! Ненавижу!.."

– У тебя нет сердца! – пыталась увещевать его бабушка, схватив за руки.

– Есть, но только оно – справа, – ухмылялся Виктор.

Врачам его тогда показывать не стали, решив: "ничего страшного – перерастет".

Довольно рано маленький Витя понял, что он не такой, как все и к школьным товарищам относился свысока, всячески демонстрируя свое превосходство. Он подавлял и подчинял одноклассников своей воле, а затем тиранил их насмешками, обидными кличками, унижающими достоинство приказами. Помогать близким по дому, ходить в магазин или аптеку мальчик соглашался исключительно за денежное вознаграждение. Жизнь рисовалась Виктору чередой бесконечных побед и триумфов под аккомпанемент восторженных криков и аплодисменты толпы...

В такой же богатой профессорской семье Вите, когда он еще "пешком под стол ходил", подобрали соответствующую невесту. Ничего, что на два года старше, зато с подобающей «родословной» и приданым, кстати, совсем неглупую и внешне вполне приятную девушку по имени Виолетта. Будучи весьма "продвинутой" и лишенной всяческих предрассудков особой, Виола помогла Виктору в его четырнадцать лет освоить практически всю Камасутру. О глубине ее познаний в этой области говорило и то, что она добивалась остроты ощущений и продления плотских удовольствий, припудривая свои гениталии особыми порошками. Может, именно поэтому Виктор так страстно её и желал, одновременно приходя в ужас от мысли, что однажды она может стать его законной женой...

Когда Лаура впервые забеременела, то стала нервной и вспыльчивой бестией: бесконечно цеплялась к другим самкам и даже огрызалась на самцов. Наконец, через три недели она родила девять замечательных крысят. Детеныши были голенькие и беспомощные, с закрытыми глазками и склеенными ушками. Лаура оказалась хорошей матерью: она тщательно вылизывала своих детей, защищала от любопытных и вечно голодных соплеменников, а, отправляясь на поиски корма, тщательно укрывала их от холода пухом и ветошью из гнездовой подстилки.

Парцелла (*франц. parcelle, буквально — частица, микрогруппировка) состояла из семи самцов и девяти самок, не считая крысят. Все они обитали на территории городской

свалки. Норы зверьков располагались под мусорными баками и даже уходили в подвалы ближайших домов. Благодаря неопрятности людей, крысы совсем не бедствовали. Нелепые и глупые двуногие существа, вместе с кошками, считались у жителей свалки самыми гнусными тварями, способными на любую подлость. В крысином королевстве все от мала до велика их презирали и люто ненавидели. Боялись же людей лишь несмышленные крысята, а взрослые особи, хорошо изучившие повадки человека, предпочитали просто держаться на безопасном расстоянии, обходить стороной ловушки и капканы, не прикасаться к отравленным приманкам...

Молодые зверьки завоевывали место под солнцем постепенно. Через месяц они покинули гнездо и с материнского молока перешли на самостоятельное добывание пищи. До наступления половой зрелости молодежь никто не воспринимал всерьез и не считал своими конкурентами или соперниками, а потому попросту не замечал. Но в возрасте трех месяцев их взаимоотношения со старшими сильно изменились. Подростки все чаще стали подвергаться нападениям со стороны взрослых самцов и окрепших ровесников.

Безоговорочно господствовал в парцелле крупный и агрессивный самец по имени Головорез. Он отличался прекрасным здоровьем и огромной силой, гладкой блестящей шерстью и уверенными движениями. У него недоставало половины хвоста, а потрепанные кромки ушей напоминали бахрому. Головорез всегда действовал согласно главному закону рода: "сила порождает страх, а страх укрепляет власть!" Судя по количеству шрамов на его шкуре, жизненный путь этого самца был тернистым, а королевские привилегии завоеваны в упорной борьбе с конкурентами.

Вторым, наиболее уважаемым членом сообщества, считался Дракон. Он беспрекословно подчинялся Головорезу, но в его отсутствие чувствовал себя хозяином и мог устроить "трепку" любому сородичу. Нередки были и такие случаи: когда Головорез был занят обходом своих владений, его заместитель успевал серьезно поухаживать за самками, и вероятно, численность потомства Дракона превосходила таковую у Головореза. Доминирующий самец нередко переползал через своих покорных вассалов, оставляя на их шкурках капли своего особого секрета. Спорить, протестовать или выражать свое недовольство никто не имел права. Откровенно говоря, каждый из униженных в любой момент имел возможность уйти из парцеллы и стать вольным отшельником, но зверьки предпочитали такой свободе полную лишений жизнь на милой родине.

У подножия условного «пьедестала» прозябали самцы – изгои, влачившие весьма жалкое существование. Изгои рыли свои норы в стороне от собратьев. К местам кормежки и канаве с водой подходили лишь тогда, когда там не было других крыс, причем добирались они туда окольными путями, хватали первый попавшийся кусок и убегали с ним обратно...

Участок обитания сообщества разделялся на две зоны: защищаемую территорию и периферические владения. Сердцевиной защищаемой зоны была Цитадель – в ней находились жизненно важные объекты: убежища группы, основные источники воды и корма. Любого чужака, решившего проникнуть в эту святыню, ожидала неминуемая смерть...

Как в любом языке нет изначально "плохих" слов, так и поступки людей становятся хорошими или дурными исключительно по воле самого человека. Обычный вешний день, одна-единственная встреча, пара дежурных фраз, и Виктор попал в "переплет", коренным образом изменивший все его планы, мечты и дальнейшую жизнь. Всё это дало повод назвать "Злым Гением" виновника случившейся дьявольской трансформации.

Элегантный сорокалетний мужчина перебирал на стеллаже музыкальные компакт-диски. Виктор, студент престижного столичного ВУЗа, зашедший сюда между лекциями, взвешивал на ладони альбом группы "Квин", на покупку которого, по иронии судьбы, ему не хватало всего лишь десятки. Раздосадованный юноша, не привыкший откладывать на потом исполнение своих желаний, как раз размышлял над тем: «что оставить в залог продавцу?», когда услышал приятный мужской голос: "У вас проблемы, молодой человек?", – и повернувшись, увидел одетого в прекрасный костюм, удивительно улыбающегося и свежо пахнущего человека.

– Нет, – машинально ответил он, но голос, видимо, выдал его досаду.

– Прекрасный выбор, – оценил незнакомец вкус Виктора. – Я сам обожаю эту группу. Знаете, что? У меня сегодня очень удачный день и поэтому прекрасное настроение. Разрешите сделать вам небольшой подарок? – и он распахнул портмоне...

Уверенность и обаяние этого мужчины обволакивали, завораживали и настолько располагали к общению, что Виктор прогнал, мелькнувшую было, мысль о "бесплатном сыре", и откровенно подумал: "Почему у меня до сих пор не было вот таких друзей?"

– Меня зовут Геннадием, я – бизнесмен, – представился "спаситель", – вот моя визитка. Сегодня я собираюсь отпраздновать одно важное и радостное событие, – продолжал он, сопровождая Виктора к выходу из супермаркета, – приходи, будет много ребят твоего возраста. Ну что, до вечера? – и Геннадий протянул Виктору свою ухоженную руку.

Сомнений по поводу того, стоит ли идти по указанному адресу, у Виктора, обладателя души, сотканной из одних крайностей, и привыкшего все получать по первому требованию, не возникло. Он изначально знал, что – пойдет...

Вечеринка, больше похожая на карнавал, словно воронка засосала в себя обожавшего развлечения Виктора. Хозяин шикарной четырехкомнатной квартиры принял его очень радушно, а компания, человек из двенадцати молодых людей, с первой минуты отнеслась к нему как к старому знакомому. Замечательные вина и ликеры, отлично подобранная музыка, откровенные наряды и позы красивых девушек, их недвусмысленные взгляды, все это, как короткое замыкание, расплавил все его "предохранители".

– Никогда не узнаешь, что есть добро, а что – зло, пока сам не попробуешь, – решил Виктор. – В конце – концов, жизнь дает каждому то, на что у него хватает смелости...

Тем временем Геннадий делился своими впечатлениями о недавней поездке в Лондон и посещении квартиры великого Шерлока Холмса, но не все гости слушали его внимательно. Вот по кругу пошла самодельная сигарета. Какие странные ощущения... Тело стало легким, теплым, ненастоящим. Виктор вдруг почувствовал, что любит всех сразу, тогда же он понял, что и его тут все любят...

Потом компания нюхала белый порошок, и Виктор удивлялся тому, как тот превращается в нем в разноцветные, звенящие и горячие искры-желания, которые пчелами кружатся внутри его разбухшего тела, щекоча кожу и ища выхода. Наконец, словно крышку сорвало с кипящего чайника: Виктор перестал себя контролировать и принялся кого-то целовать, обнимать, раздевать...

Пробуждение было ужасным!..

Компания "поправилась" холодным пивком из запасов хозяина, которого за глаза все звали "Гена – Злой Гений". Появилась "дежурная" сигаретка и девушки вновь присели на колени Виктора.

– На лекции сегодня не пойду, – решил он.

А на полированном журнальном столике Геннадий уже выстраивает новую "дорожку" из волшебного порошка, и повеселевшие девчонки в коротеньких юбочках начинают игру "в бутылочку"...

Вихрем завертела и понесла под откос беспутная жизнь: мерседесы, рестораны, танцы и шальные деньги, которыми безотказно снабжал Виктора Геннадий – Злой Гений с условием: "Потом отдашь". По части гулянок и выпивки юноша превышал всякую меру, а во хмелю частенько не ведал, что творил. В иной день Виктор тратил больше, чем его ученые профессора за целый месяц.

Однажды Геннадий отозвал Виктора в свободную комнату и закрыл за собой дверь.

– Как у тебя с учебой? – участливо поинтересовался он.

– Завал... – сник нетрезвый Виктор, – почти месяц не хожу на занятия: кругом одни задолженности. Уже предупредили, что если не возьмусь за ум – отчислят.

– Всё, что ни делается в жизни – к лучшему, – улыбнулся Геннадий. – Оформляй академический отпуск, а я берусь пристроить тебя в своей фирме. Работа несложная – исполнять мои желания, однако деньги обещаю совсем нешуточные. Кстати, свой долг быстро погасишь. Молодости надо уметь радоваться, а доучишься в следующем году, – и он похлопал парня по колену. – Ну что, договорились?

Виктор размашисто боднул воздух.

– А чем я буду заниматься? Справлюсь?

– Ты-то? – усмехнулся Злой Гений, – обязательно справишься, если не будешь забывать о моем к тебе отношении и станешь отвечать взаимностью. "Прекрасное не обязано быть добрым, оно даже прекрасно именно потому, что не добро. Кто ищет истины только для того, чтобы делать добро – не найдет ничего!" – загадочно и с пафосом продекламировал он. – Давай выпьем на брудершафт? – и подсел с двумя бокалами на Витин диванчик.

– Ты мне не просто нравишься, я уже успел тебя полюбить, – горячо зашептал он в его ухо, покрывая поцелуями Витину шею и пытаясь расстегнуть ему молнию на брюках...

Как "это" получилось, Виктор потом так и не смог себе объяснить. Он просто закрыл глаза, откинул голову назад и расслабился. Сначала ласки Геннадия были даже приятны, но может все это от французского коньяка?..

– Так вот какие у тебя «желания»! – с отвращением подумал Виктор, когда к нему вернулась такая способность, и его передернуло. – Хорошо, что хоть никто не видел...

Самым смышленным в помете Лауры был среднего размера подросток с грязновато-бурой шерсткой. Когда пришла пора самоутвердиться, он быстро понял, что невздам и опасностям не обязательно ставить жесткий заслон, а намного удобнее и эффективнее от них просто уклониться. Стараясь избежать нежелательных стычек с Головорезом и Драконом, он проявлял завидную сообразительность. Удирая от противника, зверек пользовался хорошо отработанным приемом: несколько раз обежав вокруг обрубка бревна, запрыгивал на него и с большим интересом наблюдал, как разгоряченный доминант продолжает бессмысленно носиться вокруг полена. Сделав вхолостую пяток кругов, преследователь отправлялся подыскивать себе новую жертву, так и не догадавшись посмотреть вверх. Эта комичная сцена повторялась ежедневно, за что молодой самец получил имя Хитрец и среди сверстников стал считаться капралом.

Добывая пропитание, Хитрец проявлял изобретательность и ловкость, поражающую соплеменников. Орудя в кладовках людей, а в них крысы обычно зимовали, он первым догадался извлекать полужидкую еду из бутылок и склянок при помощи собственного

хвоста, и даже придумал способ добывания содержимого из закрытых стеклянных банок. Раньше с ними дело обстояло совсем скверно: хотя глаза видели съестное, но зубы и когти соскальзывали со стекла, вызывая у крыс приступы голодного бешенства. Хитрец показал сородичам, что если банку столкнуть с полки на пол, то пища становится вполне доступной. Еще он научил пасюков (*Пасюк – это серая крыса.), как можно переправлять краденное в свои хранилища. Например, воруя куриные яйца, одна крыса ложилась на спину и прижимала яйцо к своему брюшку всеми четырьмя лапами. Хитрец хватал её за хвост и таким образом волочил до самой норы...

Забрав документы из элитного института, Виктор переехал в наш город и продолжил учебу. Чтобы хоть как-то свести концы с концами (обидевшаяся бабушка отказала своему любимчику в средствах), Виктор пошел прислуживать брату Игорю, с которым случайно разговорился на улице, в Церковь Святой Истины. Дохода это практически не приносило, но зато здесь он мог ежедневно столоваться и регулярно встречаться с очень доброжелательными, внешне порядочными и благопристойными людьми.

– Легко любить тех, кто за тридевять земель, – повторяли они, – но очень трудно полюбить соседа...

– Раньше ты искал не там, где потеряно, а там, где светло. Пустыню твоей души, Виктор, мы превратим в райский сад...

– Раз Бог вызвал тебя к бытию, причем не на краткий миг, а для вечности, – ты ему желанен...

Брат Игорь помогал Вите изучать «Святое Писание» и читать Псалтырь, выучил с ним десяток молитв. Он брал его на обходы своего "участка", обучал несложным психологическим приемам и уловкам, при помощи которых легко обрести доверие человека, расположить его к себе, заинтересовать и подчинить. Обычно тактичные и воспитанные люди принимали миссионеров хорошо. Их слушали не перебивая, стесняясь оспаривать или критиковать напыщенные речи, украшенные цитатами из Библии, «искренними» улыбками и «неподдельной» заботой о благе собеседника...

Времени на учебу опять не оставалось, только Виктору стало казаться, что он навсегда отмылся от суеты и грязи прошлой жизни. Наконец-то почувствовав себя спокойно и уверенно, он стал ощущать тягу к подобному общению, вкус жизни и интерес к новым знаниям. Он неоднократно вел с братом Игорем душевительные беседы, задавал множество вопросов, исповедовался ему в своих прежних грехах, даже самых тайных и постыдных. Новый "благодетель" живо интересовался жизненными перипетиями Виктора, а в особенности его состоятельной бабушкой, и даже намеревался стать посредником в налаживании с ней расстроенных родственных отношений. Также он обещал научить Виктора способам, как избежать призыва в армию.

Наступила зима. Как же она похожа на человеческую судьбу. Словно мириады снежинок, кружит и перемешивает людей неугомонный ветер. Кого-то возносит к небу, иных бросает под самые ноги прохожих. Можно думать о себе, что угодно, но с приходом весны всё это искрящееся великолепие неизбежно исчезнет. Прекрасная, яркая, радостная жизнь будет продолжаться по своим законам и дальше, но уже без нас.

Брат Игорь предложил Виктору переехать в одну из своих квартир, где регулярно его навещал, снабжая необходимой литературой, провизией и даже церковным вином.

– Как ни прискорбно, но истина и справедливость часто могут противоречить друг другу, – говаривал "пастырь" во время их посиделок, – Ведь первую мы – познаем, а вторую

просто понимаем. Правда – это та же истина, но ставшая предметом субъективной оценки человека. Она отражает не идеальные представления, а наш реальный мир, что делает её весьма асимметричной. Понятно, что при осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды. Это дает нам дополнительные возможности отстаивать с их помощью свои ценности и нравственные принципы...

Таким пьяным, как в тот вечер, Виктор своего духовного наставника раньше не видел. Он явился во втором часу ночи и стал ломиться в келью "заблудшего сына своего", сопровождая некоординированные движения отборной бранью и оскорблениями.

– Открой мне дверь, а я отворю тебе врата рая! Проклятый гей, почему с другими ты можешь «это» делать, а со мной нет? Открывай немедленно.

Виктору пришлось уходить через окно. Уходить навсегда. Мир снова стал серым...

В университете Виктор давно обратил внимание на эффектную шатенку-однокурсницу по имени Настя. Её огромные зеленые глаза и грустную улыбку он все чаще стал видеть в своих цветных снах. У Насти было немало поклонников-студентов, но ещё больше вилось вокруг неё каких-то непонятных "тёмных" личностей. Непросто было завоевать её внимание, но Виктору помогла практика общения с людьми, полученная в среде братьев-сектантов. Наконец, они стали встречаться.

Вскоре Анастасия призналась, что в её маленькой квартирке вечерами собираются друзья, которые не прочь "оттянуться" и побаловаться "герычем". Предложила попробовать и Виктору. После первого укола Виктор ощутил чувство непередаваемого блаженства. Блёклый и скучный мир сразу преобразился, стал казаться добрым и славным, а жизнь – прекрасной и вечной. Куда-то далеко-далеко улетели все печали и невзгоды. Рядом лежала и блаженно улыбалась его Настя. Никуда не нужно было спешить, покой и радость девятым валом захлестнули его легкомысленную голову...

Неожиданно объявился Злой Гений. Он открыл в нашем городе филиал своей фирмы и сразу же отыскал Виктора. Геннадий сильно изменился и больше не просил, а уже требовал: либо возврата "кругленькой" суммы, либо рабской покорности и сожительства, но за "кучу зеленых". На дурманящее зелье были нужны деньги, и парень с девушкой решили попробовать заработать на их приобретение с помощью богатенького дяди, а если их что-нибудь не устроит, то постараться его ограбить и скрыться. Только всё получилось во сто крат хуже, чем в самом мрачном их прогнозе. Во время первой же вечеринки у Злого Гения Виктора и Настю крепко напоили и по очереди на глазах у всех присутствующих изнасиловали.

– Так-то, Витек, – ухмылялся Геннадий, – судьба согласных с ней ведет, а несогласных – тащит. И так будет впредь, пока ты не поймешь, что ничегошеньки собой не представляешь. А вздумаешь снова меня "кинуть", пеняй на себя: я ведь могу вас живьем закопать...

Тогда униженные любовники решили привести в действие вторую часть своего плана. Они пришли к Геннадию не вечером, когда у него бывало полно народу, а в полдень и предложили купить Настину квартиру за смехотворную сумму – двадцать пять тысяч долларов. После недолгих переговоров сошлись на цене в десять тысяч. Когда Злой Гений полез в сейф за авансом, Виктор набросил на его шею удавку...

Только убийство человека оказалось делом совсем непростым... Геннадию удалось вырваться, а Виктор с Настей, убежали ни с чем, пока тот, лежа на полу, приходил в себя.

Дальше для них наступили трудные времена. Университет пришлось оставить, а самим, опасаясь мести Злого Гения, скрываться в пригороде на заброшенной даче, среди нечистот и вездесущих крыс. Настроение было, как у приговорённых к смертной казни. Они не сомневались, что Геннадий их ищет. Выхода из создавшегося положения парень с девушкой не видели. Холод и голод были не так уж и страшны, однако через пару дней у них начались серьезные проблемы со здоровьем, именуемые "ломкой". Настя, имевшая большую зависимость от наркотика, страдала более Виктора: её мучили сильнейшие боли в суставах и животе, сопровождающиеся рвотой и приступами истерики. В таком состоянии она и покинула их убежище, решив незаметно пробраться в свою квартиру и забрать оттуда остаток вещей, пригодных для продажи и приобретения дозы зелья. А погода словно хотела их за что-то наказать: начался проливной дождь с сильным порывистым ветром... Виктор её так и не дождался. Как он узнал позже, Настя была сбита неизвестной машиной (непонятно: случайно или намеренно) недалеко от своего дома. Водитель с места происшествия скрылся.

– А может быть, у меня действительно нет сердца? – думал Виктор, вспоминая давние слова бабушки, – ведь мне её почему-то совершенно не жаль...

В бесконечных схватках и набегах проходили недели и месяцы. Некогда грозный Головорез начал понемногу дряхлеть и неожиданно вовсе пропал. Что с ним случилось, никто так и не узнал. Возможно, слабеющий доминант стал добычей собаки или попал в какую-нибудь ловушку, устроенную людьми. Главным претендентом на корону стал злой и коварный Дракон, руководствующийся принципом: "сила есть – ума не надо". Однако возмужавший в боях "молодняк" ощущал в себе не меньшую силу, чем этот ветеран. Однажды ночью несколько молодых самцов, ведомых, как вы уже наверно догадались, Хитрецом, оказали столь решительный отпор его королевским замашкам и нанесли сопернику настолько серьезные раны, что он был вынужден скрываться на периферии, превратившись в обыкновенного изгоя. Частенько просто диву даешься, насколько изменчива бывает наша удача...

И вот с наступлением сумерек все взрослые члены парцеллы собрались на территории Цитадели возле своей питьевой лужи. Самцы заметно нервничали, но от драк воздерживались. Самки принюхивались и вытягивали вверх шеи, как бы стараясь не пропустить что-то очень важное. Затем пасюки обмакнули концы своих хвостов в липкую грязь, состоящую из смеси глины и помета, и сплели их в большой тугой узел, а сами расположились вокруг него... Наконец к этому скоплению грызунов приблизился Хитрец и, сделав стойку на задних лапах, присел на "трон" из хвостов своих покорных сородичей. Все замерли. Отныне нашего героя называли не Хитрец, а Мудрец, и был он королем большой крысиной семьи. Он смотрел грозно, но не зло, выглядел внушительно, но не свирепо, ему повиновались без ужаса и ненависти...

Правление Мудреца длилось до конца его дней. "Поодиночке мы – ничто, – было его девизом, – а вместе мы – сила!" Крысы втрое увеличили свою численность и значительно расширили границы владений, потеснив завистливых соседей. Молодежь теперь воспитывали не страхом, а примером, старых и больных больше не убивали и не изгоняли из парцеллы, а кормили лучшим кормом. Не было голодных и обиженных, пасюки стали крупнее, проворнее, сообразительнее.

Я не уверен в том, что животные способны ощутить себя счастливыми, но все же думаю, что эта семья была счастлива. Такое не часто встречается даже среди людей...

– ...Так какая же помощь от меня требуется? – задал я вопрос своему собеседнику, когда Виктор закрыл лицо ладонями, и в его исповеди наступила звенящая пауза.

– Доктор, я себя ужасно чувствую. Дайте мне какого-нибудь лекарства.

– Тебе необходимо лечь в стационар и получить полный курс лечения, – стал объяснять я, не сразу поняв, о чем его просьба.

– Я не могу сейчас лечь в больницу. Эти люди меня везде найдут, – в голосе парня отчетливо прозвучали истерические интонации. – Помогите мне, доктор! Вы же интеллигентный человек! Пожалуйста, сделайте мне укол морфина, ведь он у вас есть?!

– Это исключено, молодой человек. Но я настоятельно прошу подумать и лечь в нашу клинику, иначе Вы действительно погибнете...

– Тогда у меня есть к вам огромная просьба. Ведь мне больше не к кому обратиться. На билет до Новосибирска мне не хватает пятисот рублей. Одолжите мне их. После возвращения домой деньги я вам незамедлительно вышлю.

– Странно, но эта цифра поразительно похожа на стоимость одного "чека"... Но я готов поехать на вокзал и помочь тебе купить билет на поезд.

– Тогда жду Вас завтра на вокзале, – он порывисто встал и направился к выходу.

– Пойдите, а может, Вы голодны? – спросил я, доставая из своего портфеля бутерброд и пригоршню конфет.

– Спасибо, – и он сунул мой сверток в карман. – До встречи.

Виктор ушел, а я остался сидеть за столом. Странно, но мне понравился этот несчастный парень, очень похожий на падшего ангела. Видимо неспроста жизнь метит некоторых людей, как лесник больные деревья перед вырубкой. У него изначально всего было с избытком: светлая голова, выдающиеся способности, неординарная внешность, достаток в доме. Не хватало главного – родительской любви, душевного тепла и искренности во взаимоотношениях с близкими. Задаривая малыша дорогими подарками, никто не заботился об его духовном мире, не утруждал себя воспитанием его чувств и закалкой воли. Он жил, как будто преодолевал бурную реку, перепрыгивая с одной льдины на другую! И, как теперь оказалось, – у него уже нет будущего. А это так страшно!

Да, я – психиатр, но, к сожалению, на практике редко удается помочь человеку в результате одной-единственной беседы. Сегодня мы говорили на разных языках. Но главная трагедия в том, что, даже погибая, мой пациент всё еще не был готов принять необходимую помощь. Оставался один-единственный последний шанс – попробовать вырвать молодого человека из губительного окружения, и я решил его обязательно использовать.

Утром следующего дня мы встретились с Виктором возле касс Южного вокзала. Выглядел он по-прежнему неважно: на вопросы отвечал односложно и беспокойно перебрасывал с одного плеча на другое небольшую дорожную сумку.

Как и следовало ожидать, денег у него не было совсем. Старательно скрыв свою досаду, я приобрел на значительную часть своих отпускных билеты до Новосибирска и вручил их вместе с паспортом повеселевшему Виктору. Мы вышли на перрон. До начала посадки в московский поезд оставалось минут десять.

– Вот Вам еще денег на постель и чай, – сказал я.

– Большое спасибо, Валерий Васильевич, – тихо произнес Виктор, опустив глаза, – когда вернусь домой, я Вам все до копейки верну. А сейчас присмотрите, пожалуйста, пару минут за моей сумкой. Там в киоске продают очень аппетитные и недорогие булочки. Я мигом, – и он сбежал по ступенькам в подземный переход.

Виктор не вернулся ни через пять минут, ни через тридцать пять. Поезд тронулся и бодро умчал за горизонт мои иллюзии насчет этого "славного" парня, а также его последнюю возможность вернуться к нормальной человеческой жизни. Я прошел обратно в главное здание вокзала. Виктора, естественно, нигде не было. Симпатичная и приветливая кассирша сказала мне, что он сдал свои билеты обратно в кассу.

Это можно и нужно было предвидеть, но ведь я хотел выдать такой необходимый и важный для него "аванс" доверия и порядочности. Впрочем, даже посадив Виктора в вагон и помахав на прощанье рукой, я бы не смог помешать ему выйти на ближайшей железнодорожной станции и обменять проездные документы на деньги для очередной "дозы".

В задумчивости я развернул и положил в рот конфету. Красочная обертка полетела в урну. И надо же такому случиться, острая зубная боль проткнула навывлет мою щеку.

– Нужно срочно посетить стоматолога, – решил я. – А не похожа ли эта ситуация на происшедшее с Виктором? В его внешне благополучном и пристойном доме за показным блеском и лоском скрывалась не сладкая медовая начинка, а боль, распад, червоточина. И тогда я понял: в нашей жизни, где так часты проявления агрессии, злобы и ненависти, главным исцеляющим источником, островком доброты, любви и уважения по-прежнему может и должна быть семья. Понимаем ли мы это, воспитывая своих детей? Объясняем ли им, что коль будущее оказывается плохо, то в этом персональная вина каждого конкретного человека?

Жизненный путь любого из нас непременно устлан осколками грез и перьями обломанных крыльев. Как правило, он пролегает вдоль руин хрустальных замков и мимо кладбища несбывшихся надежд. Однако его непременно нужно пройти, ведь это же – наш путь... Чтобы ни случилось, нельзя смиряться и покорно плыть по течению жизни. Глупо отдаваться воле её безразличных волн. Непременно стоит бороться: в первую очередь со своими слабостями и недостатками. Только изменив себя, мы меняем свою судьбу. Однако чтобы перенаправить вектор жизни, необходимо приложить колоссальные усилия. Вот только, не каждый на это способен...

Эпилог

В сыром смрадном подвале на полуистлевшем матрасе у замишей стены лежит изможденный и бледный Человек. Заострившиеся черты когда-то свежего и красивого лица застыли безразличной маской. Свеча, на огне которой Он приготовил свое зелье, догорела до конца и, раздражённо фыркнув, погасла, испустив в нависающий сумрак кудреватую струйку сизого дыма. Неподвижный взгляд полузакрытых глаз Человека прикован к яркому солнечному островку на грязном бетонном полу, проникающему из «того» мира через крошечное вентиляционное окошко. Мыслей нет. Времени – тоже. Человек ждёт, когда свет доползёт до боковой стены его Пристанища, и тогда Он умрет...

Внезапно по этому пятну, как по экрану, пробежала искристая рябь, и вдруг Он увидел: свою бабушку в профессорской мантии, молодую и красивую мать, Виолетту в роскошном свадебном платье, счастливо смеющуюся Настю и даже по-дружески улыбающегося ему, как в день знакомства, Геннадия...

Когда на освещенный пяточок выползла Тварь и с интересом стала рассматривать Человека, Он её видеть уже не мог. После судорожного вздоха, его худая рука безжизненно упала на заплёванный пол, обнажив на внутренней поверхности худого предплечья «дорожку

смерти»... Настороженно прислушиваясь и принохиваясь, Крыса привстала на задние лапы и, наконец, призывно пискнула, приглашая своих сородичей на пир...

Так встретились мои герои. А может, это были и не они...

КОНЕЦ

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СУДЕБ

Часть 1

«Человек, празднуй день, в котором ты живешь». Соломон

Для меня осень начинается с легкой грусти: не хочется прощаться с изумрудной зеленью, благоуханием цветов, веселым щебетом птах. Но, глубоко вздохнув, покорно принимаю неизбежность утраты и по-новому, искренне и бескорыстно, радуюсь последним погожим денькам, седине паутинок, студеным ароматам и

хрустальной прозрачности воздуха.

Все, что прежде так радовало, вселяло надежду, цвело и пело, отшумев, постепенно затихает и... затухает, как костерок после бурного пикника. Постепенно привыкаешь и смиряешься с ветреной, сырой и прохладной погодой. Зато каждый погожий денек принимаешь как бесценный подарок, огромную радость и счастье.

А осенние краски! Они уже не бушуют, а, прощаясь, как бы извиняются, убаюкивая и обволакивая, исцеляют своими полутонами подступающую к самому горлу щемящую тоску. Желтый и оранжевый – мои любимые цвета. Я считаю их теплыми и мягкими, добрыми и ласковыми, как усталое закатное солнце...

Осеню мне легче дышится и лучше думается. А что с нашими чувствами? Может они, подобно листве, увядают и осыпаются? Не всегда. Бывает, преспокойно бодрствуют, как

вечнозеленые ели, а случается, что раздраженно маются, как таежные медведи-шатуны. Нередко их появление труднее спрогнозировать, чем капризную осеннюю погоду...

* * *

...Он негромко поздоровался, прошел и сел в кресло напротив меня. Оценивающим взглядом окинув обстановку кабинета, ненадолго задержал его на корешках толстых книг...

Если бы дверь кабинета могла неожиданно стать прозрачной, то мы, находясь по обе её стороны, узнали бы друг о друге немало занятного. Например, что не только у посетителя разная походка в коридоре и в самом офисе, но осанка и выражение лица доктора, сидящего за столом, также существенно меняются в момент, когда кто-то переступает его порог. Обычно люди даже стучатся по-разному: уверенный человек старается вести себя непринужденно и по-деловому: лишь «обозначив» своё появление, он входит и со слегка ироничным выражением лица бодро произносит заранее заготовленное обращение ... Данный визитер довольно долго топтался у двери, и не открыл её, пока не услышал слова: "Войдите". Получив разрешение присесть, он выдохнул, как перед прыжком с трамплина, и обратил ко мне чисто выбранное интеллигентное лицо.

– Извините, я без записи...

Возраст – под пятьдесят, среднего роста, бодрый и подтянутый.

– Бывший спортсмен или военный, – машинально оценил я его выправку.

Высокий лоб с внушительными залысынами. Добротный синий костюм, голубая рубашка и галстук с золотой заколкой. Я отложил амбулаторный журнал и задал первый вопрос.

– Расскажите, пожалуйста, что привело вас на прием психиатра?

– Меня зовут... Александр Сергеевич, – мужчина грустно и несколько смущенно улыбнулся, – прежде я никогда не обращался к специалистам вашего профиля, однако, сейчас мне просто необходим совет профессионала, – его голос предательски дрогнул, он несколько скомкал первую фразу, но сумел быстро справиться с волнением.

– Обычная история, – продолжил мой собеседник после небольшой паузы, – я женат во второй раз, но всю свою жизнь люблю совершенно другую женщину. Это продолжается не один десяток лет. Я понимаю, что все выглядит не вполне обычно, но ничего не могу с собой поделать и не знаю, как мне поступить в данной ситуации.

Я неважный рассказчик, поэтому лучше ознакомьтесь вот с этим, – и пациент положил передо мной несколько листков, аккуратно исписанных ровным, почти каллиграфическим почерком. – Это письмо адресовано моей любимой, правда, оно не закончено. Прочтите, и вам многое станет понятно... – сказал он, все еще придерживая бумагу кончиками пальцев, как будто опасаясь, что ее может унести внезапный порыв несуществующего ветра. Вероятно, он не вполне доверял мне.

Я откинулся на спинку кресла и, отгородившись от яркого света козырьком ладони, стал изучать сие послание, незаметно наблюдая из-под руки за своим посетителем. Мой визави приготовился ждать: расстегнул пиджак и ослабил узел галстука. Его лицо превратилось в маску спокойного смирения. Чувствовалось, что он всячески старается скрыть свои эмоции, но беззвучная барабанная дробь кончиками пальцев, выдавала его внутреннее напряжение и беспокойство.

«Здравствуй, дорогая Машенька!

Это письмо я пишу тебе почти четверть века, но никак не могу закончить. Если быть точным, то это и не письмо вовсе, а самая настоящая исповедь. Откровенность – всегда тяжелая душевная работа, серьезный разговор с самим собой, возможность изменить свое отношение к жизни. Обычно воспоминания о собственном прошлом напоминают рассказ умного о дураке. Боюсь, что в моем случае может получиться так, что один глупец пишет о другом...

Мы знакомы много лет, и все эти годы я испытываю по отношению к тебе гамму добрых и светлых чувств, но помимо этого... ощущаю вину и угрызения совести за нанесенную когда-то незаслуженную обиду. Ты нравишься мне с девятого класса: именно тогда я перевелся в вашу школу. Разноименно заряженные частицы, как известно, притягиваются, и вот, будучи длинноволосым шалопаем, я как-то сразу заинтересовался симпатичной девушкой-отличницей: доброй и отзывчивой, но одновременно – серьезной и очень принципиальной. Бесспорно, ты была самой способной ученицей в классе, но никогда не важничала и не задавалась. За это тебя уважали даже самые отпетые лодыри и матерые двоечники.

На первых порах практически все наши отношения ограничивались «слизыванием» у тебя домашних заданий. Вспоминаю случаи, когда мужская половина класса не справлялась с решением задач, и в школьной раздевалке происходил примерно такой разговор:

– Ты сделал алгебру?

– Нет. А ты?

– Тоже.

– Сашок, иди, спроси у Машки, – делегировали меня одноклассники для списывания, – уж тебе-то она точно не откажет.

Я шел просить, а ты, хоть смотрела грустно и укоризненно, все же неизменно выручала своими тетрадками, что меня весьма обнадеживало.

Также помню, как весной ты пару недель навещала меня дома после операции по поводу аппендицита (швы что-то плохо заживали). Понимаю, что об этом тебя просила наша классная дама, но все равно был на седьмом небе от счастья, и на заветной скамейке вырезал перочинным ножичком: «Саша + Маша = Л».

Бывали у нас и вечеринки, на которых мы отчаянно веселились, пели под гитару и танцевали. До сих пор не могу забыть, как восхитительно и волнующе было ощущать тебя совсем близко, держать руки на твоей талии, шептать на самое ушко какую-то несусветную чушь...

Последний звонок вместе с классным журналом отправил в архив и наше детство. Мы поступили в разные институты, и начались студенческие годы.

По сей день я ухаживаю за женщинами примерно так же, как и вальсирую, то есть – «никак», но тогда делал это еще более неуклюже. Я периодически позванивал тебе или отсылал свои дурашливые многостраничные послания, но постепенно мы стали встречаться все реже, а дальше – на какое-то время и вовсе перестали общаться. Потом последовал новый всплеск праздничных чувств. Я говорю, конечно, только о себе. Сейчас можно рассуждать, было ли все это любовью или простым увлечением? Я до сих пор не уверен: умеют ли в двадцать лет любить по-настоящему, серьезно и ответственно, или просто спешат стать причастными к чему-то неведомому, яркому и сладостному? Да и какой из меня тогда был жених и любовник? Смех один.

Мы ходили в кино, я провожал тебя до подъезда, но ни единого раза не обнял и не поцеловал, хотя очень того желал. Словом, вел себя как столетний занудный старик. Считал,

что удовольствие от желаемого значительно усиливается, когда умышленно его отодвигаешь... Скажешь: проклятая застенчивость, нерешительность, робость? Было, конечно, и это, но вероятно, словцо не вполне точное, ведь к другим-то я прикасался. Просто в своем воображении я много лет лепил достойный образ любимой женщины и до сих пор не могу от него отказаться. На самом деле, своими мыслями и поступками я всегда оберегал тебя от всякой грязи и пошлости, не смея даже сравнивать со всякими «остальными». Ты была словно интересная книга, захватывающее чтение, которое хочется продлить как можно дольше...

Пару раз мне пришлось выяснять отношения с местной шпаной. Ты этого не знаешь, но я, хлюпя разбитым носом, от тебя не отсекся.

После четвертого курса меня перевели на военный факультет в другой город. Я не спрашивал, будешь ли ты меня ждать, ведь уходил в армию не на два года, а на всю жизнь. Строевая подготовка, занятия рукопашным боем, учения и наряды на службу... Вопреки сложившемуся мнению, армейская среда заставляет о многом задуматься, многое понять и переосмыслить. Разлука – это важная часть любви. Я постоянно вспоминал тебя, а когда бывало трудно, мысленно разговаривал с тобой, спрашивал совета и, признаюсь, мне это очень помогало. В тот период жизни я пил тебя, как живую воду, как средство от отчаяния, и мне казалось, что ты где-то совсем близко. Я благодарил судьбу за то, что ты есть, воображая, что мир таков, каким я его вижу... Там я и написал тебе письмо с признанием в любви. Точно помню, что делал это от чистого сердца, искренне считая тебя своей невестой и той единственной, с кем хочу всегда быть вместе.

Живя в казарме, писем ждешь по-особому. Твой ответ пришел только через месяц. Ты написала, как всегда сдержанно и лаконично о том, что неплохо ко мне относишься, только, увы, не любишь и, к тому же, не видишь своего будущего рядом с военным.

На правду не обижаются, за нее благодарят, но...

Не скажу, что я был ужасно потрясен (меня уже достаточно подготовило длительное ожидание письма), но в душе словно что-то оборвалось и, печально звякнув, разбилось на мелкие сверкающие кусочки. Этого было достаточно, чтобы провести первую в жизни бессонную ночь. Иными во время того бдения казались мне слова, вещи, люди... Я физически ощутил, как дверца в прекрасное будущее, на прощанье печально скрипнув, захлопнулась перед самым моим носом, а несовершенная вселенная рассыпалась на мириады ядовитых жал.

Наша переписка прервалась. "Дорога заканчивается тогда, когда ты сам того захочешь", - говорят португальцы. Порвав твоё фото, я решил жить «параллельной судьбой» и ударился во все тяжкие. Душевный вакуум необходимо было чем-то заполнить...

Однако, по иронии судьбы, через год мы поменялись местами. Я уже учился на выпускном курсе и зимой приехал домой в свой последний курсантский отпуск. Перед возвращением в alma mater, безо всякого энтузиазма позвонил тебе и узнал, что ты хочешь со мной срочно поговорить. Уже догадываясь, о чем пойдет речь, я ответил: "Приходи".

Действительно, ты объявила, что согласна выйти за меня замуж. Сердце больно дернулось и замерло... Как же я мечтал об этом! Раньше... Прежде... Давно... Только я не зря старался тебя забыть, и, видимо, преуспел в этом, сумев убедить себя в том, что сладкое мне вредит. Помню, спросил:

– А что, собственно, изменилось? Неужели ты меня полюбила?

– Нет, – вновь честно призналась ты, – но я постараюсь тебя полюбить...

Первое слово этой фразы и решило нашу судьбу. Будь вместо той студеной правды хоть немного, пускай лукавого, но – тепла, притворись ты чуть-чуть, самую капельку, и все сложилось бы иначе. Ненавижу обман, только это была бы «ложь во спасение», и я, наверняка, расстался бы со своей последней знакомой, ставшей через год моей первой женой.

Но, как справедливо считается, от слона легче увернуться, чем от мухи. И первое, что пришло мне тогда на ум, это то, что ты просто не желаешь ехать по распределению своего института, а хочешь получить "свободный" диплом. Тогда я впервые стал предателем: мне захотелось тебя немного помучить.

– Над этим необходимо подумать, – мямлил я, наслаждаясь своей мстостью и твоей растерянностью, – вот вернусь в училище, а оттуда обязательно напишу. И написал, прощя говоря – оттолкнул. Отстранил, желая обнять...

Так вот, будучи лейтенантом, я женился на девушке редкой красоты, почти фотомодели, которая родила мне сына. Однако её парфюмерная краса довольно быстро улетучилась, а изобилие ярких деталей в нарядах стало свидетельствовать лишь об отсутствии вкуса. Прожив десять лет в браке, я выучил жену в институте и помог ей устроиться на работу. В «благодарность» она совершила поступок, который я не смог ей простить... Без доверия нет мира в семье. Как говорится, что не стало опорой, то становится обузой. А настоящей любви, как я теперь понимаю, у нас не было...

Приезжая в родной город, я тебе уже не звонил, так как считал, что наши судьбы не должны больше пересекаться. Однако первым же делом расспрашивал общих знакомых о твоих делах. Именно от них, когда распалась моя первая семья, я узнал, что у тебя все прекрасно, ты счастлива в браке и растешь замечательного сынишку.

Я женился вторично и очень старался не повторять прежних ошибок. Словом, надежда на некоторое время победила здравый смысл. Появились на свет еще двое деток. Сейчас они уже старшекласники, а прежде... Господи, сколько километров косичек я заплел, сколько гектаров пеленок выстирал! Безусловно, когда принимаешь решение создать семью, то испытываешь определенные чувства и принимаешь конкретные обязательства, но было ли это любовью или все же отчаянным одиночеством? – Вопрос... И всякий раз, когда мой очередной шанс превращался в неудачу, я думал: а может быть – это наказание за неиспользованный «тот», самый первый?

Кстати, ты всегда очень нравилась моей маме. Она интересовалась твоей судьбой вплоть до самой своей кончины и все просила меня: «Позвони», но я не послушался... Ты должна её помнить. Она была умной и доброй, недурно готовила. «Солнечной» и «уютной» я называл ее в детстве. Ты на нее очень похожа, вас даже зовут одинаково.

Был такой случай. У нашей соседки стоял на кухне большущий кактус. Но вот досада, как надумает она его полить или протереть, так обязательно уколется. Короче, награждала его женщина самыми нелестными эпитетами. И что интересно: чем больше ругала – тем чаще кололась. Наконец, отдала несчастное растение моей матушке. Не поверишь, через неделю кактус расцвел огромными розовыми цветами!

Потом мне рассказали о твоём горе: в автокатастрофе погибли муж и сын... В тот период лично у меня все было нормально, душа находилась в каком-то сне, а разум в отпуске. И тогда я предал тебя во второй раз: не позвонил, не написал, не пришёл. Вероятно, тебе не помогло бы мое сочувствие, однако мне за такой поступок можно смело плюнуть в лицо...

Не так давно закончилась моя военная карьера. Четверть века пролетели одним днем – беспокойным и бестолковым понедельником. Теперь уже мой старший сын носит офицерские погоны. Я сильно изменился: стал недоверчив и осторожен, практичен в целях и ленив в желаниях. Что-то очень важное ушло из моей жизни. Все добрые эмоции потускнели и теперь довольно легко управляются рассудком, а помыслы, как брошенные вверх камешки, миновав свой апогей, стремятся к пыльной земле. стыдно брюзжать, но я во многом и многих разочаровался. Может семейное счастье – тоже миф?

Возможно, судьба умышленно дает нам меньше, чем мы у неё просим. Только странное дело, если посмотреть со стороны – сегодня у меня есть всё, что необходимо, но счастливым я себя не чувствую. Вот бы понять: почему? Чего мне не хватает в жизни? И сейчас, проживая под одной крышей с женщиной, постоянно повторяющей: «это твои личные проблемы!» и «куда ты от меня денешься?», – я все чаще улетаю в своих мечтах в нашу юность. У меня весьма скромные потребности, но даже их супруга стремится осмеять, подчинить и ограничить. Лишь когда я начинаю думать о нас с тобой, на сердце становится спокойно, приятно и тепло.

Теперь о главном: свою жену я не люблю. Детей – обожаю, а её – лишь уважаю за то, что она их мать, и нахожусь рядом просто по инерции. Отчего так бывает: приводишь женщину в свой дом и вскоре понимаешь, что он уже не твой? Моя «половина» обладает врожденной способностью превращать канун любого праздника из ожидания чуда в повод для генеральной уборки и стирки. Конечно, это не самый страшный недостаток, только мне надоело узнавать от нее распорядок своего дня, получать нелепые приказы и слушать такие же глупые советы. Если что-либо жена со мной и обсуждает, то лишь для того, чтобы повесить на меня, как на ржавый гвоздь, свою очередную проблему. Не будет лада в семье, где женщина стремится подчинить мужчину. В собственном доме я задыхаюсь в атмосфере непонимания, чахну от тоски и живу по принципу «худой мир лучше доброй ссоры». Существою, как будто у меня в запасе много-много жизней, а сегодня я наскоро проживаю «черновик». Видимо, мою семейную лодочку опять влечет на рифы...

Иногда случаются у нас, конечно, и светлые дни: мы как бы даём друг другу «передышку». Однако ощущение душевного вакуума, какой-то роковой ошибки и несогласия со всем этим меня не покидают. Я думаю, что счастье, добро и радость нужно непременно дарить, иначе они перестают быть благом! У нас же всё это крайне редко делается «от души»: мне постоянно приходится или «зарабатывать», или «покупать» свой душевный покой втридорога. Но не хочется сейчас на этом «буксовать»...

Так уж получилось, что ты – моя несбыточная мечта. Я понимаю, что бесконечно долгое время жил не так, не там и не с той женщиной. Жаль этих лет. Жаль всех, кого заставил страдать. Но я научился смотреть не на грешную землю, а в голубую высь! В своих помыслах я всенепременно, как к Святой Истине, возвращаюсь к тебе, и мы живем в них вместе долгие-долгие годы без всяких штампов в паспортах. Во мне по-прежнему теплится вера в чудо и надежда на то, что всё ещё может измениться к лучшему. Без этой веры и надежды я не могу существовать и очень боюсь их лишиться. В своих снах и мечтах я захожу иногда очень далеко. Например, могу подойти к тебе и так крепко обнять, что перехватывает дыхание и мурашки бегут по телу...

С недавнего времени мне кажется, что я точно знаю, чего хочу. Желать, конечно, никому не возбраняется, но если даже Бог судил нам жить в разлуке, я всё равно страшно рад, что ты у меня есть!

Скажи откровенно: ты за собой ничего похожего не замечаешь? Если – «да», то, как говорят психологи, «не хотите ли это обсудить?» Ведь, правда же, интересно узнать, что с нами стало бы, если... А вдруг карты «лягут» снова? Отрезанное напополам – легко срастается. Я готов рискнуть. А ты?

Одного боюсь: чтобы не получилось, как нередко бывает в медицине, когда все делается правильно, только, увы, поздно. Упущено необходимое время, оттого и результат – плачевный. Возможно, мне самому не мешает проконсультироваться у соответствующего специалиста. Наверное, так и поступлю...

Твой Александр».

Я отложил письмо на край стола и, помолчав, промолвил:

– В жизни нам очень часто приходится выбирать наименьшее из двух зол. Помните, как в известной притче, на вопрос ученика: «Жениться мне или нет?», мудрый Сократ ответил: «Что ни сделаешь – все равно потом пожалеешь». Лекарства от несчастной любви, насколько мне известно, ещё не придумано. Но вот что хочется вам сказать...

Из прочитанного становится ясно, что вас беспокоит ощущение убывающей жизни, уходящей молодости и иллюзия возможности сделать очередную попытку, которая, по вашему мнению, должна закончиться успешно. Думаю, что это так называемый «кризис среднего возраста».

Только чтобы получить что-то новое, обычно приходится отказаться от многого старого и привычного. Готовы ли вы к этому? Если вы надеетесь таким образом спрятаться от накопившихся проблем, то предупреждаю, – они вас всё равно отыщут, не эти – так другие, а всякий неверный шаг может всё только усугубить. Любая женщина по своей природе «потребитель», и в определенное время, обязательно предъявит вам свой счет.

Жизнь частенько зло подшучивает над нами и провоцирует на отчаянные необдуманные поступки. Конечно, каждый сам выбирает себе судьбу, но, разумнее, в вашей ситуации, не принимать скоропалительных решений и избегать резких перемен. Ведь все ошибки и промахи следуют потом за нами до конца дней.

– Вот и помогите мне с выбором судьбы! – с нотками отчаянья в голосе воскликнул Александр Сергеевич.

– Хорошо, только сначала ответьте мне предельно откровенно: вы действительно любите свою Машу?

– Я на нее молюсь и буквально растворяюсь в её вселенной! Нет такой жертвы, которую бы я не принес, чтобы получить последний шанс! Признаюсь, что своим женам я никогда не изменял лишь потому, что более всего не желал изменить ей – моему Идеалу Женщины. Она была моей первой любовью, и до сих пор осталась для меня милее и желаннее всех других женщин вместе взятых.

– Уважаемый Александр Сергеевич, частенько то, что кажется нам любовью, на самом деле ею не является. Так ярко и красочно мы обычно рассуждаем о влюбленности, но она дается нам безо всяких наших усилий, а истинная любовь, по мнению известного американского психиатра Пека, подразумевает постоянную и упорную работу: уважение индивидуальности избранника, взаимные обязательства, поддержку и внимание, терпение и такт. К сожалению, ваше письмо производит впечатление недорогого коктейля из чувства вины и собственного эгоизма. Читая его, я, откровенно говоря, усомнился в том, что это – настоящее чувство. Ведь вас совершенно не интересуют заботы и тревоги, интересы и планы своей избранницы. Не хотите ли вы вновь ее помучить? Благородно ли это? Большинство из

знакомых мне честных людей после вопроса: «А когда вы, забыв о личной выгоде, делали добро своим любимым?», смущаются и умолкают.

– Вы, верно, думаете обо мне: «седина в бороду – бес в ребро», – вспыхнул мой собеседник. – А жить с одной женщиной, но любить другую – это красиво, честно, нравственно?

– Но вам не кажется, – взыграла теперь уже во мне профессиональная гордость, – что всё это уже не раз было в вашей жизни?

– Я считаю, что не так важно, сколько женщин было в жизни мужчины, а гораздо важнее то, сколько жизни было в тех женщинах, – парировал мой посетитель, недобро прищурился. – И виновным я себя чувствую только перед Машей, а не перед своими жёнами.

– Но было же в вашей супруге что-то особенное, из-за чего вы на ней и женились?

– Конечно, – с вызовом ответил Александр, – она и теперь прекрасная хозяйка и замечательная мать, но всё это сама перечеркивает своими постоянными придирками да упреками.

– А вы пробовали с ней об этом поговорить?

– Не вижу смысла в подобных беседах, – грустно усмехнулся мой собеседник. – В связи с вашим вопросом мне вспомнились слова Вольтера: «Подумай, как трудно изменить самого себя, и ты поймешь, сколь ничтожны твои возможности изменить других». Я длительное время надеялся, что жена сама всё поймет, но этого, к сожалению, не произошло.

– Вы как ребенок, трепетно лелеющий свой каприз, ждёте, когда же его исполнит волшебный Дед Мороз. Но ведь жизнь – не рождественский праздник. В своей эмоциональной исповеди вы, на мой взгляд, написали много лишнего. Красивые слова необходимо подтверждать такими же поступками. Докажите делом, что вы – мужчина, а не жалуйтесь на судьбу и обстоятельства!

Проблема никогда не будет решена, пока мы не примем ответственность за её решение. Я не разделяю вашего желания уйти из семьи. Не рубите с плеча, не торопитесь дезертировать, а попробуйте сначала лучше узнать свою Машу. По-мужски было бы поехать к своей возлюбленной, обсудить с ней всё на месте и только потом делать выводы. Возможно, вскоре вы увидите, что ореол её святости – померк, а королевская корона – съехала набок. Тогда и поймете, что она такая же женщина, как и ваша жена, со схожими недостатками, причудами и слабостями. А раз так, то стоит ли обмен «шила на мыло» стольких душевных и физических сил? А вдруг Маша окажется ещё более бесцветной и будничной, чем все те, кого вы знали прежде? Скорее всего, после своих походов, вам придется возвращаться с повинной, а это, поверьте, так непросто... Не стоит менять того, что и так хорошо, необходимо лишь слегка изменить к нему свое отношение. Не зря же говорится, «синица в руке лучше журавля в небе».

Взглянув на Александра, я заметил, как он покачал головой, видимо не соглашаясь со столь обидными для него словами, и, мрачно рассматривая отутюженные складки своих брюк, подался всем телом вперед, будто бы готовясь встать и немедленно уйти.

– Вы утверждаете, что любите своих детей, – продолжил я. – Так вот: никакие подарки и подачки не смогут заменить им отцовского воспитания и утраченного душевного равновесия. Ваше предательство уродующим шрамом пройдет через всю их жизнь. Смогут ли они оправиться после такого удара? И кто им в этом поможет? Об этом тоже нельзя забывать. Поэтому я вам советую: успокоиться и еще раз хорошенько всё взвесить... А письмо можете оставить у меня. Мы к нему еще вернемся...

Я не находил в состоянии Александра Сергеевича серьезного повода для обращения к психиатру, и чуть было не сказал ему: «прекращайте ныть, а лучше пойдите и собственноручно сожгите ваше послание!», но это было бы серьезной ошибкой. Недопустимо в ходе терапевтического сеанса давать указания, которые ориентируют пациента на нереальность и театральность происходящих в действительности событий. Нетрудно догадаться, что будет чувствовать человек и какие мысли придут в его голову, когда он станет смотреть на языки пламени, превращающие в пепел двадцать пять лет его жизни... Бывало, что логическим итогом такого поступка становился банальный суицид: пьеса сожжена, а жизнь закончена – «Finita la comedia!» Поэтому-то я и сдержался...

– Спасибо, доктор, за урок и горькую микстуру, – мой собеседник неспешно поднялся, аккуратно сложил свое письмо и спрятал его во внутренний карман пиджака. – Я подумаю над вашими словами.

– Вот и прекрасно. Зайдите ко мне на будущей неделе, побеседуем более детально. А сейчас, извините, за дверью ждет пациент, которому назначено на это время.

Он ушел, как мне показалось, разочарованным.

– Не наделал бы глупостей, – размышлял я, подходя к окну. – Давно подмечено, что человека обычно убеждают аргументы, до которых он додумался сам, а не те, что пришли в чужую голову. Мне частенько приходилось видеть, как люди, оценивая те или иные события, отрицают или отбрасывают все непонятное и неприятное, а выстраивают в логический ряд лишь те доводы и факты, которые подтверждают выгодную одним им позицию.

А ведь мы во многом схожи, – неожиданно осенило меня. – Нас обоих «зацепило» прошлое. Мне, например, часто снится, что я снова ученик... Вот прозвенел звонок, и я ищу, но никак не могу найти свой класс. Время идет, я нервничаю, напрягаю память, пытаюсь встретить хоть одно знакомое лицо, заглядываю во все двери, но – безрезультатно. Мне уже никогда не сесть за свою парту в родном классе. Это – прощание с ушедшей юностью, которую сколько не ищи, не зови – не вернуть...

Из оконного проема на меня, не моргая, глядело и беспечно улыбалось бабье лето. Солнце серебрило невесомые паутинки, легкий ветерок продолжал бессовестно раздевать кроны деревьев и сметать резную листву с тротуара на увядающий газон. Осенью мы по-иному начинаем смотреть на совершенно обычные вещи: видим новое и важное в том, мимо чего раньше проходили не останавливаясь, понимаем и приемлем истины, над которыми прежде смеялись громче всех... По законам природы после слякотной осени и морозной зимы непременно должна приходиться новая весна. В человеческой же судьбе все не так: после веселой беззаботной весны и знойного хлопотливого лета наступает зябкая унылая пора. И нет ей конца, и нет из нее выхода... День становится короче, а ночь длиннее и темнее. Все ветшает, дряхлеет, и уже не живет, а доживает...

Я невольно погрузился в воспоминания о собственной юности.

...Было у меня когда-то четыре закадычных дружка-одноклассника: Юрка, Володька и два брата Петруха да Сергей. Слыли мы дерзкими и талантливыми: спортсменами, музыкантами, художниками. Лично я считался поэтом. Местом нашего сбора служил укромный уголок за школой, загороженный от посторонних глаз густым кустом сирени. Эх, аромат молодости! Дурман майских цветов, бодрость озона и что-то еще, возможно, самое главное, но по сей день не открытое химиками!.. Чем занимались? Стыдно признаться: брэнчали на гитарах, играли в карты, покуривали, а случалось и «красненьким» баловались.

Как-то в разгар очередного веселья мы обмакнули наши руки в белую краску и отпечатали свои ладони на стене родной школы...

Однажды в нашей компании появилась стройная шатенка Алиса. Точно не помню, но, может быть, я сам её и привел. Алиса была в меня влюблена. Она-то и научила сегодняшнего доктора целоваться. Боже, как же мне тогда это было интересно и приятно! Потом произошел случай, который запомнили все. Как-то в середине последнего школьного мая, захотелось нам с Алисой побыть вдвоем, и решили мы съездить за город...

В тот погожий субботний день мы, как обычно, взяли свои портфели и вышли из дома. Только отправились не в класс, а в противоположную сторону – на автовокзал. Расчет был таков: в школе, учитывая хорошую успеваемость и участие в общественной работе (я, например, был секретарем комсомольской организации), нам легко поверят, даже если сослаться на банальную головную боль, а домашние вообще ничего не заметят, ведь мы собирались к обеду вернуться. Однако, вся прекрасно спланированная «операция» провалилась из-за каких-то несчастных... двух копеек.

Действительно, сначала в школе никто не забеспокоился. Мой сосед по парте сказал, что я слегка простыл, но уже в понедельник буду в порядке. Всех взбаламутила староста класса, которая вместо меня приняла от кого-то комсомольские взносы (2 копейки!) и стала искать штампель «Уплачено ВЛКСМ». Печати нигде не было, тогда она решила позвонить мне домой. Крайне удивленной маме эта отличница бойко доложила о том, что меня нет в школе. Матушке стало плохо, а вызванный с работы отец стремглав помчался к директору. На экстренно собранном педагогическом совете мгновенно выявили, разобрали по косточкам и «обсосали» все мои пристрастия, знакомства и «порочные» связи, а в параллельном классе довольно быстро была обнаружена пропажа девочки Алисы. Ее родителей «добрые и заботливые» учителя также поставили «на уши».

Тем временем, пообщавшись с весенней природой и вдоволь нацеловавшись на цветущих полянках, абсолютно счастливые мы вернулись обратно. Ох, как же нас тогда отрезвило мнение коллектива и собственных родителей!..

Так уж получилось, что после первых уроков взрослости, я к Алисе несколько охладел и, прислушавшись к «добрым» советам старших, стал избегать общества роковой красавицы. После выпускного бала она предъявила мне ультиматум: «или мы будем вместе, или я, назло тебе, отдамся Володе». Нашла, чем испугать. «Делай, как знаешь, мне – все равно», – пренебрежительно изрек я и отправил подругу за дверь.

Видимо, она поступила именно так, как обещала, ведь через год они с Володькой поженились. Но за неделю до замужества, она пришла вечером ко мне домой и ошарашила заявлением:

– Прости меня, прости за все! Я тебя очень люблю, и если ты сейчас ответишь мне «да», то никакой свадьбы с Володей не будет.

Почему я тогда сказал «нет», ведь без нее не обходился ни один мой сон?

Увы, далеко не все романтические истории завершаются счастливым концом да свадьбой. Почему-то жизнь намного чаще оборачивается трагедией или фарсом, а не доброй сказкой. Так, по прошествии многих лет, мне стало известно, что один мой приятель умер от пьянства, другой не выходит из тюрем, третий живет в психиатрической клинике, а Володя с Алисой куда-то пропали... Но я периодически прихожу на наше заветное место и «здоровуюсь» с их ладошками. Не отпускает меня наша юность.

И вот ведь незадача: я давным-давно женат и внешне все у нас в семье нормально, но время от времени очень жалею, что отверг любовь чудной девушки Алисы. Вот уж

действительно: не существует мучительнее пытки, чем право выбора, как нет суровее и справедливее казни, чем его последствия.

Часть 2

«Великий квадрат не имеет углов».

Книга Перемен.

Миновал год, наступила новая осень. Я уже стал забывать своего не по возрасту романтического и сентиментального посетителя, как вдруг неожиданно получил от него письмо, присланное в адрес нашей поликлиники.

Почерк Александра изменился и напоминал отслуживший свой срок частокол: небрежно выведенные буквы как бы покачивались, а слова, казалось, слегка поскрипывали. Чувствовалось, что письмо написано нетвердой рукой, но при этом его тон был наиграно бодрым и ироничным, а местами – даже вызывающим.

«Уважаемый Валерий Васильевич!

Пишет Вам Александр Сергеевич, которого Вы так настойчиво уговаривали не делать поспешных выводов и не совершать опрометчивых поступков. Простите, но, подумав над Вашими словами, я примерил их на лацкан своего кителя и... поступил по-своему. Я понимаю, дорогой доктор, что Вы желали мне добра и давали исключительно хорошие советы, только моя судьба изменилась к лучшему по совершенно иному сценарию. Вот послушайте.

Переписав свое письмо, я наконец-то отправил его и уже через неделю получил обнадеживающий ответ. Все бросив, я умчался к своей Машеньке. С бывшей женой мы расстались практически безболезненно. Как выяснилось, я ей тоже изрядно надоел. Захватив с собой чемоданчик с книгами, все остальное я оставил детям. Они у нас достаточно взрослые, поэтому после моих разъяснений восприняли происходящее довольно спокойно. Теперь мы регулярно перезваниваемся, так что я в курсе всех их новостей и не чувствую себя «вне игры».

Временно мы проживаем в квартире Маши. На новом месте у меня, не скрою, сначала возникли некоторые трудности. Лишь через пару месяцев я нашел подходящую работу, правда, уже не такую престижную, как прежде, и с меньшим окладом. Да только это – не главное. Все постепенно наладилось и сейчас я счастлив. Да-да, именно – счастлив! Прежде мне это чувство было незнакомо. И не пойте мне, доктор, впредь песен о любви!

Теперь мы вместе встаем и ложимся, делаем домашнюю работу, целуемся, когда один из нас на минутку выходит из дома, постоянно болтаем о важных пустяках, и никак не можем наговориться. Я встречаю Машу после работы, и мы идем по вечерним улицам, держась за руки, а прохожие, замечая это, улыбаются и перешептываются. Я никому больше не завидую, всех люблю и желаю людям такого же огромного счастья!

Вам, как моему врачу, могу признаться, что по эмоциональной силе наша первая ночь была подобна рождению сверхновой звезды! Раньше я думал, что такая яркая и безграничная страсть – это выдумки подростков. Нет, любовь – научный факт и ею стоит заниматься!

О своем поступке я не пожалел ни разу. Последний год жизни стоит всех моих предыдущих лет вместе взятых. Прежде я частенько корил судьбу за бесцветность и однообразие моих дней. Теперь же каждый мой миг – радость. Сто раз прав был Ежи Лец, сказав: «Из мечты тоже можно сварить варенье, если добавить фруктов и сахару».

Однако безоблачная погода не может длиться вечно. Только я перестал считать себя «рыцарем печального образа», как пришла беда. Три месяца назад я узнал, что неизлечимо болен, и теперь в моей истории, как в плохом анекдоте, конец известен заранее. Такова судьба... Уже сейчас мне приходится регулярно вводить сильнодействующие препараты. Знали б Вы, как мне не хочется уходить! Особенно теперь. Но я понимаю неизбежность скорой развязки и не боюсь ее. Моя Машенька заботится обо мне как добрый ангел-хранитель. Я прекрасно понимаю, что времени у меня почти не осталось, но пуститься в дорогу, чтобы в последний раз повидаться и проститься с дорогими мне людьми, к сожалению, уже не могу.

Прощайте, дорогой Валерий Васильевич. Желаю Вам огромного счастья, богатырского здоровья, кавказского долголетия и исполнения всех желаний. Очень хочу, чтобы работа была вам в радость, а дома вас всегда ждали.

Александр».

– Воистину – трагедия, достойная Шекспира! Но насколько правдив сей рассказ? – шевельнулся во мне червячок сомнения после прочтения письма. – Как же удивительно тесно переплетены в этом человеке совершенно полярные чувства: горе и счастье, стойкость и покорность! Он ничего для себя не требует, не жалуется и не просит о помощи. Однако случается, что мы лжем не только окружающим людям, но и самим себе...

Только какие у меня основания ему не верить? – размышлял я. – Бравада и напускная веселость могут быть простой маской, защитной реакцией на терзающие человека сомнения, отчаяние, боль и страх смерти. Вполне естественно, что и в такой ситуации мужчина хочет казаться сильным и уйти достойно, не потеряв уважения к самому себе. Хотелось бы ему в этом помочь...

Не прошло и месяца, как в нашу регистратуру позвонила женщина и, пригласив меня к телефону, представилась женой Александра Сергеевича.

– Да-да, того самого, – она энергично пошла в наступление с первых же слов. – Это я год назад уговорила мужа обратиться к вам за советом. Правда, супруг настоял на том, что сходит на прием один, но я не возражала.

– О чем вы хотели со мной говорить? – поинтересовался я, мысленно выстраивая в уме план типичной беседы с брошенной женой.

– В нашей семье возникли серьезные проблемы, – продолжила она взволнованно, – но это не телефонный разговор и я хотела бы с вами встретиться.

– Что ж, приходите завтра после обеда, – произнес я без особого энтузиазма и положил трубку.

Не скрою, что после памятного визита Александра Сергеевича у меня сложилось довольно нелестное представление о его супруге. Конечно же, врач обязан соблюдать нейтралитет, только не смотря на то, что я всеми силами пытался сохранить их семейный

союз, сварливые и горластые жены-«командирши», мне самому абсолютно не симпатичны. А подобных дамочек я знаю довольно много. Меня так и подмывало задать ей при встрече пару-тройку каверзных вопросиков. Интересно, как бы она ответила, например, на такие:

– Зачем женщины, мечтая о сильных и волевых мужчинах, потом методично превращают их в безропотных «подкаблучников»?

– Почему если однажды приготовить даме сердца завтрак, то через некоторое время, обед и ужин тоже приходится стряпать самому?

– Отчего даже самая культурная и образованная жена не упустит случая, чтобы проверить содержимое карманов и бумажника мужа?

Конечно, противопоставлять психологию или физиологию мужчины и женщины так же нелепо, как глупо сравнивать небо с землей, огонь с водой, Луну с Солнцем. Да, мы – разные, и это – очень здорово! Но с другой стороны – несовпадения порождают противоречия. «Все течет, все изменяется», – сказал древний мудрец. Вот и наши современницы уже давно не тургеневские барышни. Они больше не «зайки», «рыбки» или «голубки», а милые и грациозные... но очень опасные хищницы: добытчицы, защитницы, а порой и захватчицы. Но я их прекрасно понимаю. К большому сожалению, по-иному в наш век не прожить.

По тем же причинам, среди мужчин все меньше джентльменов и почти не осталось «принцев»: они погибли в жерновах естественного отбора, уступив своё место самоуверенным и напористым нахам, которые, в основном-то и нравятся современным амазонкам. Все вышесказанное существенно изменило и даже исковеркало таинство взаимоотношения полов. А вот сам семейный союз, на мой взгляд, по-прежнему очень похож на простую арифметическую дробь, где муж – числитель, а жена – знаменатель. Согласитесь, что нет в природе ничего выше и чище истинной любви, преданности и жертвенности женщины. Оттого неизменно – чем весомее числитель и скромнее (понимайте – «мудрее») знаменатель, тем значительней результат, а в итоге – крепче брак.

Но что-то я отвлекся...

И вот в назначенное время в мой кабинет вошла стройная миловидная женщина лет сорока пяти. Оценив по достоинству ее стильную прическу, элегантный костюм и легкий аромат духов, я поднялся со стула. Мы поздоровались и я предложил ей сесть в кресло, а когда увидел, что она сильно расстроена, то с каким-то злорадством подумал:

– Лучше всего учит то, что причиняет боль. Только мужа Вам, голубушка, уже не вернуть. Я отчасти посвящен в ваши семейные дела.

А вслух произнес:

– Вы собирались поведать мне о своих проблемах. Я вас внимательно слушаю.

– Наша семейная жизнь за последние несколько лет очень сильно изменилась, причем, не в лучшую сторону, – взволнованно начала посетительница, и, собираясь с мыслями, несколько раз поправила симпатичное колечко на безымянном пальце правой руки. – Саше нужна помощь психиатра, только сам он, на этот раз, категорически отказался идти к вам, поэтому я хотела просить вас побеседовать с ним у нас дома.

Я был настолько обескуражен ее словами, что невпопад переспросил:

– Как это – «у нас дома»? А разве он не...

Наверное, я имел очень глупый вид, потому что, внимательно взглянув на меня, она четко и внятно, как учитель на уроке, пояснила:

– В общих чертах я знаю, что именно мой муж мог поведать вам о себе и, кажется, догадываюсь, о чем вы сейчас думаете. Поэтому хочу внести некоторую ясность: Александр Сергеевич из семьи никуда не уходил, никакой другой женщины у него нет и никогда не было.

– Как же так? Вы – серьезно? – невольно вырвалось у меня.

– Он сам подтвердит вам это при встрече.

– Погодите, погодите, – пробормотал я в растерянности, – для меня ваше заявление – огромная неожиданность. Не понимаю, с какой же целью он хотел ввести меня в заблуждение? Скажите, а вот, например, совсем недавно Александр Сергеевич мне написал, что неизлечимо болен. Может и это – неправда?

– Я его писем не читаю, но могу вас уверить, что Саша болеет крайне редко. Он даже сейчас находится в неплохой физической форме и чувствует себя вполне удовлетворительно.

– Представляете, а я-то думал, что меня уже невозможно чем-либо удивить, – попытался я хоть как-то сгладить нелепость своего положения. – Извините, а как вас зовут?

– Маша... Мария Михайловна, – поправилась она.

– Какое странное совпадение! – вновь изумился я. – В своих письмах ваш муж тоже упоминал какую-то Машеньку, к которой и собирался уехать. Вам о ней что-нибудь известно?

– Возможно, это девушка, о которой мне говорила свекровь. Они действительно когда-то училась в одном классе, и даже некоторое время невинно дружили. Да только лет двадцать тому назад она вышла замуж и перебралась за границу, а потом, по слухам, будто бы погибла в автокатастрофе.

Мария Михайловна щелкнула замком сумочки и пристально посмотрела мне в глаза:

– Мы живем с мужем почти четверть века. Разное, конечно, случалось за эти годы, но у нас трое детей и скоро серебряная свадьба. А эта история о его неземной любви, по-моему, очень похожа на болезнь.

– Расскажите мне все подробнее, – попросил я. – Когда вы впервые заметили что-то необычное в поведении мужа?

– Еще Сашина мама мне рассказывала, что в детстве он был очень ранимым и впечатлительным ребенком, но всячески старался скрыть это от окружающих и сильно переживал по поводу своей застенчивости. Когда мы только познакомились, он удивительно красиво и трогательно за мной ухаживал: дарил цветы, исполнял любое желание, был нежен и внимателен, никогда не лгал. Я не сразу согласилась выйти за него замуж, но со временем меня покорила романтический склад его характера и то, что он любит природу, понимает музыку, сочиняет стихи.

Проблемы начались, когда года три назад на работе Александр внезапно почувствовал «кинжальную» боль в животе и потерял сознание. Врачи заподозрили внутреннее кровотечение и срочно взяли его на операцию, после которой он целую неделю находился между жизнью и смертью. Первую ночь я проревела перед дверью его палаты. Затем меня пустили к нему. Несколько дней он пребывал в коме, и я не отходила от его постели: ухаживала, разговаривала, гладила по руке. Так вот, когда муж очнулся, то первое, что он произнес, были слова: «Я вытащил ее оттуда!». Он еще долго повторял и даже выкрикивал эту фразу, пока окончательно не пришел в себя. Позже Саша наотрез отказался рассказать, с чем все это было связано.

После выписки мужа из стационара наши отношения заметно ухудшились. Он уже не был таким заботливым и жизнерадостным, как прежде, а сделался угрюмым и

раздражительным молчуном. Лечащий врач обещал, что это вскоре пройдет, но Саша еще более удалялся от меня и все чаще погружался в свои тоскливые фантазии. Он потерял интерес к работе, перестал общаться с друзьями, часами мог сидеть и смотреть в одну точку или что-то писать, а потом рвать свои листки... – Мария Михайловна замолчала и промокнула кружевным платочком уголки красивых карих глаз. – Только, несмотря ни на что, я люблю своего мужа, и, как могу, стараюсь подбодрить и поддержать его, пытаюсь беседами отвлечь от печальных мыслей и переживаний. Только он меня будто не замечает. Поверьте, это очень обидно и больно...

Как-то он бросил мне странную фразу: «Ты так сильно изменилась, что стала совсем на неё не похожа! Я не хочу с тобой далее жить, потому что люблю другую...» И это при том, что я точно знаю, что у него никого нет! Вызвать его на откровенный разговор у меня так и не получилось. А на днях я впервые увидела, что муж плачет, и спросила: «Саша, скажи, пожалуйста: тебе плохо? Может вызвать доктора?». Он весь вспыхнул, сверкнул на меня злыми глазами и ответил: «Есть только один врач, с которым я хотел бы поделиться, но вряд ли он поверит мне ещё раз...» – тогда я догадалась, что Саша говорит о Вас. – Помогите ему, пожалуйста! – тихо проговорила она, с трудом сдерживая слезы.

– Для начала мне необходимо с ним побеседовать! – ответил я. – Вам же могу дать совет прямо сейчас: если вы действительно любите своего мужа, то постарайтесь стать похожей на ту Машу, о которой он так мечтает. Забудьте прежние обиды, научитесь слушать и слышать супруга, не стремитесь к лидерству, а постарайтесь быть просто другом – отзывчивым, верным и бескорыстным. Надеюсь, он это поймет и оценит. Идемте! Моя машина припаркована у главного входа.

Наш чудесный город прекрасен в любое время года. Мы мчались по умытым недавним дождем проспектам, громыхали по старинной брусчатке, в сотысячный раз любовались фонтанами и скверами, кивали, как давним знакомым, соборам и кирхам, а солнце лукаво подмигивало нам сквозь прорехи сердитых облаков.

Дорогой я размышлял. Кто эта загадочная Маша? Чем она так дорога Александру? Моя интуиция подсказывала, что в данном случае все не так просто, как может показаться на первый взгляд. В жизни часто бывает, что мужчина успешен, материально обеспечен, и может себе позволить жить так, как он хочет, но с другой стороны – должен мириться с мнением и претензиями женщины из совершенно иной «эпохи», приносящей ему массу неудобств и огорчений, с давно надоевшими семейными обязанностями и затянувшимися бытовыми конфликтами. Неудивительно, что человек теряет веру в прежние ценности, ощущает внутренний разлад, чувство тревоги, неудовлетворенность и потребность в смене спутника жизни...

Но кое-что в этой истории подогревало мой профессиональный интерес и даже, не скрою, вызывало восхищение. Казалось бы, что тут необычного - встретились и расстались два молодых человека? Их, как это часто бывает, разлучили обстоятельства, разделили многие годы, сотни километров, несметное число других мужчин и женщин, но, несмотря ни на что, Он продолжает бескорыстно и по-юношески обожать Ее – свою первую любовь. И вот теперь мне предлагают решить: что же это такое – чувство высочайшей пробы или серьезное психическое расстройство?.. А может любовь и есть – душевная болезнь? Обычная разновидность маниакально-депрессивного психоза? Ведь только посмотрите, как часто мы теряем голову: смеемся или плачем, совершаем нелепые и глупые поступки, находясь в ее власти!..

Через четверть часа мы были на месте.

Чистая и уютная трехкомнатная квартира. Из просторной прихожей попадаю в зал, где на диване с книгой в руках сидит Александр Сергеевич. Он заметно изменился: осунулся и как-то ссутулился. Еще мне показалось, что неизвестный гример щедро подрисовал ему морщин на лбу и возле глаз.

– Оставьте нас одних, – попросил я Марию Михайловну.

Она понимающе кивнула и удалилась на кухню.

– Что читаете? – спросил я поздоровавшись.

– «Энциклопедию мудрых мыслей», – ответил Александр Сергеевич, закрывая томик. – Вот послушайте: «Хаос – это порядок, который нам пока непонятен», – процитировал он Генри Миллера. – Наша жизнь – тоже хаос, – добавил хозяин с грустью в голосе. – Я об этом догадался еще в курсантские годы. Сколько ни стремись к порядку и гармонии, сколько ни старайся что-либо изменить, а хаос остается хаосом. С годами его становится лишь больше...

Не так давно в письме я попрощался с вами, – продолжил Александр Сергеевич, глядя себе под ноги, – единственное, что забыл сделать, так это – попросить прощения. Жизнь бессовестно обманула все мои надежды, а я невольно разыграл и разочаровал вас. Чтобы прекратить эту ложь мне пришлось выдумать неизлечимую болезнь. Каюсь...

– Знаете, а ведь ваше послание было принято мной за чистую монету, – признался я дружелюбно, – но сейчас мне очень приятно, что всё, наконец, прояснилось, и у вас нет смертельной болезни, о которой вы сообщали, а также отпала необходимость уезжать к какой-то там Маше...

– Не говорите о ней так! – строго перебил меня Александр.

– Извините, но ваша жена сказала, что это – всего лишь девочка-одноклассница, которой давно уже нет!

– Маша есть! – Александр Сергеевич даже притопнул с этими словами. – А мою школьную подружку звали совершенно иначе.

– Тогда, пожалуйста, расскажите мне, кто ваша Маша на самом деле и где она сейчас?

– На кухне, готовит нам чай, – безразлично буркнул собеседник.

– Сегодня какой-то особенный день, – вовсе запутался я. – Если не ошибаюсь, от своей жены вы собирались уходить к другой женщине.

– Совершенно верно.

– Тогда к кому же?

– К Машеньке.

– А это что еще за Машенька?! – стал терять терпение я.

– Маша из моей юности. Я хотел бы уйти от нее сегодняшней к ней прежней!

– Час от часу не легче! И вы верите, что это возможно? – воскликнул я, не сдержавшись.

– В каком-то смысле – да. Ведь о ней можно думать, видеть во снах и мысленно беседовать. Наконец, её можно любить...

– Стоп! Давайте разберемся: кому было предназначено ваше первое письмо?

– Ей и предназначалось.

– Но я прекрасно помню, что вы в нем писали: «свою жену я не люблю», «задыхаюсь в атмосфере непонимания».

– Я это писал про «новую» Машу.

– Так вы её любите или нет?

– Я люблю Машу «прежнюю»...

– Объясните мне, ради бога, что происходит! – взмолился я. – Или вызовите сюда второго врача, только теперь уже для меня!

– Времена меняются и меняют людей, – с печальной улыбкой изрек Александр. – Я сам далеко не ангел, но и у супруги с годами тоже выявилась масса недостатков. Постепенно мы перестали чувствовать себя «парой» и «семьей», нам все чаще хотелось отдохнуть друг от друга. Мелкие обиды стали выливаться в крупные ссоры. Дальше – больше...

Это при знакомстве с девушкой сначала кажется, что набрел на клумбу с розами, но со временем начинаешь понимать, что оказался на луковой грядке. Вот и я однажды осознал, что Маша уже не та, какой была в начале совместной жизни, а тем более – во времена, когда считалась моей невестой, а мне так хотелось, чтобы она всегда смотрела на меня «теми» глазами. Она стала совершенно другой – чужой, незнакомой, и люблю я теперь не её, а ту, которая на старых фотографиях! Для меня это было настолько серьезно, что я настроился на разрыв, но ради наших детей решил продолжить семейные отношения. И тогда я начал новый отсчет, назвав это – «вторым браком».

Я смотрел на Александра и думал о причинах его нездоровья. Как получилось, что обычная мечтательность вдруг стала для этого взрослого мужчины столь серьезной проблемой? – мысленно спрашивал я себя. – Отчего так причудливо переплелись в его сознании явь и фантазии? Видимо, придуманного душевного тепла и внимания ему очень не хватало в реальной жизни. Всегда и везде он старался не уронить мужской чести и не мог позволить себе выглядеть слабаком. Он не имел права раскисать, стеснялся приоткрыть свою душу посторонним, пряча, как улитка, все свои переживания и сомнения внутри толстой раковины. Только на это уходило слишком много сил, а восполнить их было нечем. И вот, наконец, измучавшись от неуверенности и беспокойства, он придумал себе альтернативную, более удачную судьбу, идеальную спутницу и настоящую любовь. Сначала выдумал, а затем сам же в это уверовал и стал жить в иллюзорном мире по своим собственным правилам...

– А потом со мной произошел удивительный случай, – продолжал свой рассказ Александр Сергеевич. – Мне не хочется об этом вспоминать, но три года назад я перенес состояние клинической смерти. Неправда, что при этом человек теряет способность мыслить и действовать. Я не только видел, слышал и испытывал целую гамму разнообразных чувств, я – жил и оставался самим собой!

Помню... немолодой мужчина, изъясняющийся преимущественно жестами, с безучастным, даже немного брезгливым выражением лица и ледяным пронзительным взглядом, от которого делалось неуютно и жутко, по каким-то узким обшарпанным переходам и бесконечным лестницам, вывел меня из полумрака на незнакомую улицу... Серые невзрачные дома, полное отсутствие зелени и транспорта, унылые человеческие фигуры, стоящие поодиночке или небольшими группами на перекрестках... Стерильная чистота и непривычная звенящая тишина. Происходящее напоминало «немое» кино. Все окутано каким-то клочковатым зыбким туманом и пронизано тревожным ожиданием. Не могу разглядеть и запомнить ни одного лица... Но тут я увидел её – молодую и красивую, безмолвную и печальную. Мою Машу! Почему она здесь? Что делает в этом городе и как сюда попала? Не знаю, не успел спросить. Мы вообще не разговаривали, а взялись за руки и смотрели друг другу в глаза. Как долго? Не помню – «там» нет времени.

Но вот всё сдвинулось с места и плавно, как густой сироп по блюду, поплыло вперед, увлекая нас своим течением. Ведомые таинственной силой, все вскоре оказались на просторной площади, окруженной странными зданиями. Стены домов состояли из ячеек,

напоминающих вокзальные камеры хранения. Возле них молча толпились обитатели странного города. Ударил колокол, и ячейки начали попеременно открываться. Люди кинулись к ним. Возникла давка, переходящая в потасовку. Самые проворные бросались в зияющие дыры, после чего их створки, как хищные пасти, с лязгом захлопывались, проглатывая свою жертву.

Вдруг я понял, как необычайно важно и мне самому очутиться внутри одного из этих отверстий. Расталкивая локтями собравшихся, я потащил Машу за собой. Наконец, нам удалось втиснуться в проем одной из камер, которая тут же закрылась. Свет померк. Тьма сжала нас со всех сторон: сделалось страшно и нестерпимо больно. Но мы были вместе! Внезапно я ощутил себя ничтожеством – обездвиженным, подавленным и униженным. Не имея возможности вдохнуть, в ужасе потерял сознание... Очнулся в реанимационном отделении. Оказывается, я находился там уже трое суток.

Неужели мне удалось заглянуть «за грань», побывать «там» и вернуться обратно? Вы, верно, думаете, что мой рассказ – ахинея и чушь собачья? Кислородное голодание клеток головного мозга? Но вдруг это не бред и галлюцинации, а – правда? Тогда все случившееся означает, что я вытащил Машу оттуда и теперь она где-то рядом. Поймите, я обязан ее найти!

– Ваша Галатея действительно рядом с вами, – прервал я его откровения. – Неужели вы не понимаете, что это ваша жена своей любовью и заботой вытащила вас с того света! Она есть «прежняя» и «настоящая», а также, надеюсь, – и будущая ваша любовь. Как же вы сами не видите, насколько она замечательная и удивительная женщина?!

– Вы так считаете, доктор? – и он впервые посмотрел на меня как-то совершенно иначе: в его искренней улыбке теперь читались и смущение, и надежда, и радость.

– Абсолютно в этом уверен, – ответил я и каким-то непостижимым образом вдруг почувствовал, что мои слова доходят до его сердца.

– Вы, Александр, слишком далеко зашли в своих фантазиях. От этого плохо не только вам, но и вашим близким. Оглянитесь вокруг: у вас, конечно же, есть друзья, способные выручить в трудную минуту, рядом с вами заботливая и любящая жена, прекрасные дети, которые всегда с радостью протянут руку помощи. Все они вам искренне сочувствуют и очень за вас переживают. Зачем же их огорчать и причинять душевную боль?

Нелепо тратить жизнь на пустые фантазии и поиски идеала, которого может и вовсе не быть на свете. Погоня за исключительной женщиной очень мешает рассмотреть всех остальных, менее идеальных. Да и кто знает, может, виртуальные образы в нашем воображении, на самом деле очень далеки от совершенства. Идеал – вещь хрупкая. Ею, как музейным экспонатом хорошо любоваться издали, а если взять в руки, она может попросту рассыпаться.

– Вы так говорите по долгу своей профессии, – неуверенно возразил мой оппонент, – но мне кажется, что без моей Мечты я лишусь цели и смысла жизни: она станет пустой, скучной, серой. Как же мне тогда быть?

– Время все расставляет по своим местам. Пусть повседневность кажется нам бесконечной чередой проблем, возможно, борьба с ними и является смыслом нашей жизни. Из любой ситуации можно и должно найти приемлемый достойный выход, однако, в вашем случае лучше искать его вместе с врачом. Я знаю, что нам нужно делать. Отныне все пустые мечты мы заточим в казематы памяти, навесим побольше крепких замков, а ключи от них бросим в окошко. И будем жить дальше – в полном согласии и гармонии с окружающим реальным миром!

Если вы тоже этого хотите, то я готов вам помочь...

Вместо эпилога

Нередко автор в конце повествования предлагает читателю некую мораль. Так сказать, последний аккорд, краеугольный камень или шпиль, венчающий постройку. У меня нравочений не будет, поскольку я пишу для сообразительных людей.

КОНЕЦ

(Калининград, 2002 – 2015 г.г.)